Купорова Гузель Шамилевна, Фомина Татьяна Юрьевна

ЕПИСКОПСКАЯ ВЛАСТЬ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье прослеживаются изменения материального положения епископской власти в домонгольский период. Если после крещения Руси содержание священства осуществлялось княжеской властью, то к первой трети XIII века епископские кафедры получают стабильные доходы от княжеского и церковного суда, полюдья и десятины с окармливаемого округа, поставления на церковные должности, земельных и промысловых угодий, пожалований мирян.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 115-120. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93/94
Исторические науки и археология

В статье прослеживаются изменения материального положения епископской власти в домонгольский период. Если после крещения Руси содержание священства осуществлялось княжеской властью, то к первой трети XIII века епископские кафедры получают стабильные доходы от княжеского и церковного суда, полюдья и десятины с окармливаемого округа, поставления на церковные должности, земельных и промысловых угодий, пожалований мирян.

Ключевые слова и фразы: епископская власть; материальное положение; домонгольский период; источники дохода.

Купорова Гузель Шамилевна
Казанский государственный архитектурно-строительный университет
guzelka_83@inbox.ru

Фомина Татьяна Юрьевна, к.и.н.
Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов
stal73@yandex.ru

ЕПИСКОПСКАЯ ВЛАСТЬ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ©

Вопрос содержания духовенства во все исторические эпохи является во многом определяющим, так как источники и объем финансирования характеризуют положение церкви в обществе, социальный статус священства, степень его влияния на политические, экономические, социальные сферы жизни. Домонгольский период был временем становления и развития церковной организации на территории Руси. Экономический аспект деятельности церкви в силу состояния источниковой базы и влияния церковной историографии является достаточно дискуссионным, и рассмотреть его в рамках одной статьи не представляется возможным. Поэтому в данной работе мы остановимся лишь на вопросах, характеризующих доходы епископской власти в домонгольский период. Значительный интерес вызывает динамика изменений финансового обеспечения епископов с конца X до первой трети XIII века, необходимо выявить основные источники доходов епископских кафедр, охарактеризовать финансовые взаимоотношения архиереев с княжеской властью, мирским духовенством и монашествующими.

Если обратиться к истории христианской церкви, то на заре своего существования иерархия содержалась исключительно на добровольные пожертвования общины. Начиная с правления Константина Великого и до царствования Юстиниана Великого, церковь пользовалась финансовой поддержкой государства [9]. Однако с течением времени формируются устойчивые источники доходов архиерейской власти, такие как доходы от недвижимых имений; приходские доходы от своих кафедральных церквей; платы за требы, которые епископы исправляли не только для своих ближайших прихожан, но и для прихожан всей епархии; ежегодные сборы с мирян всего епархиального округа.

Однако ситуация на Руси существенно отличалась от традиций раннего христианства и периода расцвета Византийской империи. Христианство Древней Русью было принято по воле княжеской власти. Поэтому на начальном этапе именно она содержит духовенство. Если в эпоху княгини Ольги это, вероятно, незначительное число клириков, то при Владимире Святославиче расходы на содержание иерархии значительно возрастают. Прецеденты содержания клира мирскими общинами также могли иметь место, например, в храме св. Ильи, известного до крещения Руси, или в корпоративных, уличанских или боярских церквях, но в этом случае речь идет о низших ступенях священства – попах, дьяконах, а не о представителях архиерейской власти.

Огромное значение для формирования материального обеспечения архиереев, в том числе епископов, имели княжеские узаконения. Древнейшим из них считается Устав князя Владимира, но согласно тексту документа установленная десятина предназначалась лишь клиру выстроенного им храма Пресвятой Богородицы [9; 29, с. 18], причем, насколько позволяют судить источники, это был единовременный акт передачи собственности. В версии этого Устава, представленного в Повести временных лет, экономические интересы епископов никак не отражены [23, с. 85]. Говорить о десятине при Владимире Святославиче как регулярной дани с христианизированного населения в пользу духовенства мы не имеем достаточных оснований ввиду незначительного количества паствы после крещения, так же как утверждать, что десятина с этого времени стала постоянным доходом священства епископских округов.

Однако в последующие периоды десятина, безусловно, имела место, и ее объем регулировался непосредственно княжеской властью. Так, в Уставе новгородского князя Всеволода подтверждается передача «от всякого княжа соуда десятоую векшоу, и ис торгоу десятоую неделю, а из домов на всякое лето и от всякого стада и от всякого жита десятое» [32, с. 154]. В грамоте новгородского князя Святослава Ольговича (1137 г.) подтверждается размер установленного некогда пожалования, согласно которому епископам назначается десятина «от дании и от виръ, и продажь, что входить въ княжь дворъ всего» [9; 33, с. 147]. В то время

© Купорова Г. Ш., Фомина Т. Ю., 2013

как Уставом 1150 г. князя Ростислава Мстиславича ограничиваются доходы Смоленской епископии – «десятину от всех даней смоленских, что ся в них сходит чистых кун, кроме продажи и кроме виры и кроме полюдья» [35, с. 141]. Княжеская власть гарантирует полноту получения духовенством доходов, и в случае недостачи готова его компенсировать: «Аче не боудеть полна ста оу домажирича, осмьдесять выдасть, а дополнок възметь 20 гривен оу князя исъ клети» [33, с. 148]. При этом характерна формула, которой оговаривается адресат княжеских узаконений – «святей Богородице и епископу» [35, с. 141], т.е. кафедральному храму по традиции, установленной при князе Владимире Святославиче, и на содержание епископской власти вне зависимости от того, кто ее занимает на момент принятия Устава.

Вероятно, различия в содержании кафедр зависели от многих факторов – состоятельности княжеского двора, личных взаимоотношений архиерея и княжеской власти, количества христианизированного населения и др. Классифицировать доходы, передаваемые княжеской властью епископским кафедрам, можно следующим образом: доходы князя от полюдья и имений, десятина от взимания судебных пошлин, торговые пошлины, недвижимость, отдельные пожалования в виде драгоценных металлов, книг, икон и др.

Десятина Смоленской кафедре от княжеского полюдья и имений оговаривается в Уставе Ростислава Мстиславича [Там же]. Большая ее часть передается с гривнах как дань с более чем двух с половиной десятков населенных пунктов, указывается процент от полюдья на Копысе и в Лучине [Там же, с. 142], «ис Торопча и Жизца» «от всех рыб, иже идеть ко мне (*князю – авторы статьи*), десятину святеи Богородици и епископу» [Там же, с. 143], так же как от перевоза и торговой гривны на Копысе, мыта, «корчмити» – это твердо установленные суммы, а вот от «гостиней дани не ведома, а что ся соидеть, ис того… десятина» [Там же, с. 142].

В уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии в Новгороде с датой 1136/1137 г. о поступлениях епископии из «Онега» и с заволочских владений Новгорода исчисляются не только гривнами, но и «сорочками» [33, с. 147-148], вероятно, это отрезы ткани на пошив одежды. В записи о размерах поступлений с городов Смоленской земли фигурируют налоги в виде «лисиц», «кун», «осетр», «трои сани рыбы», «невод» «бредник» (*вид рыболовной сети – авторы статьи*), «полавачник» (*зимняя повозка на двух полозьях – авторы статьи*), две скатерти, убрусы (*женский головной убор – авторы статьи*), берковеск меду [34, с. 146]. Следовательно, десятина носила не только денежный эквивалент, но и натуральный, т.е. состояла из товаров, необходимых в хозяйстве епископа, и взималась с учетом специфики региона.

Епископская власть не только получала отчисления от торговых пошлин, но и согласно уставу князя Всеволода осуществляла надзор за системой мер и весов: «святеи Софии, и епископоу, и старосте иваньскомоу, и всемоу Новоугородоу мерила торговаа, скалвы вощаныи, поуд медовыи и гривенкоу роублевоую, и локоть иваньскыи» [1, с. 33; 32, с. 155], в случае порчи системы мер и весов треть живота (*имущества – авторы статьи*) виновника отходила «Святой Софии» [32, с. 156].

Другим стабильным источником епископских доходов следует признать десятину от взимания судебных пошлин княжеского суда [4, № 247], но в непосредственную юрисдикцию епископа, согласно Уставу князя Ярослава, входило рассмотрение дел мирян, связанных с разводом, двоеженством, блудом, скотоложством, поджогом, убийством детей, нецензурными высказываниями в адрес женщин, кражей жита, насильным острижением головы/бороды, кражей/продажей имущества супруги(а), волхованием, избиванием в семье [30, с. 87, 88]. В Уставе князя Всеволода церковному суду также подлежат более двух десятков проступков религиозного, нравственного и бытового характера [32, с. 155, 156], при этом суммы отчислений в пользу епископа не указаны, более того оговаривается полная независимость духовного суда – «а князю и боляромъ, и соудиямъ въ ты ся соуды не въстоупатися» [Там же, с. 156]. Устав Ярослава оговаривает сумму отчислений епископу в гривнах или резанах, а в случае когда «князь казнит», часть преступлений остается «митрополиту в вине» [30, с. 89] либо наказывается путем «поняти в дом церковный» [Там же, с. 88].

По Уставам князей Ярослава [Там же, с. 90] и Всеволода исключительно суду епископа подлежали люди церковные: «игоуменъ, игоумениа, попъ, диаконъ и дети дети ихъ,а кто въ крилосе, попадиа, чернець, черница, проскоурница, паломникъ, свещегасъ, стороникъ, слепець, хромець, вдовица, поущеникъ, задушьныи человекъ, изгои трои: поповъ сынъ грамоты не оумееть, холопъ из холопьства выкупится, коупець одолжаеть. А се четвертое изгоиство и себе приложимъ: аще князь осиротееть; манастыреве, болници, гостинници, странноприииимениці» [32, с. 157]. Перечень проступков данных категорий и наказаний за них не оговаривается. При этом, вероятно, отчисляемые суммы остаются на усмотрение архиерея. А. В. Карташев считает, что епископский суд был возможностью финансового обеспечения кафедр, не в ущерб светскому судопроизводству, т.к. архиереи вели церковно-нравственные дела, осуществляли суд над церковными людьми и рассматривали те преступления, которые в язычестве таковыми не считались [9].

Недвижимое имущество играло существенную роль в обеспечении материального положения церкви. Князья приписывали к епископиям земли, села, ловища, промыслы. Так, Андрей Боголюбский передал в дар своей кафедральной церкви «слободы купленыя и съ данми, и села лучшая» (1158 г.) [13, с. 211]. Никоновская летопись под 1123 г. упоминает целый митрополичий «город» Синелиц [Там же, с. 152]. В ряде случаев такие пожалования действительно были значительными. Вот как описываются пожертвованные смоленской епископии именья в грамоте 1150 г.: «Село Дросенское со изгои и з землю святеи Богородици и епископу и село Ясеньское и з бортником, и з землею, и съ изгои святеи Богородици. И се есми дал землю в Погоновичох Моишиньскою святеи Богородици и епископу и озера Нимикорская и с сеножатьми, и уезде княжь, и на Сверковых луках сеножати и уезде княжь, озеро Колодарское святеи Богородицы. И се даю на посвет святеи Богородици из двора своего, осмъ капии воску, и на горе огород с капустником, и з женою, и з детми;

за рекою тетеревник с женою и з детми» [35, с. 143-144]. Подобные пожалования поступали не только от князей, но и от других мирян в качестве дарений, «на помин души». При этом мы не можем сказать: данные земли передавались в собственность церкви или права владения сохранялись за прежним хозяином, а церковь лишь собирала доходы в свою пользу? Эта проблема собственности станет актуальной уже в период Московского княжества при Иване III, Василии III, когда в процессе секуляризации церковных земель духовенству необходимо будет подтвердить владельческие права на те или иные территории.

Однако необходимо учесть, что земельная собственность и право сбора налогов были далеко не единственной формой пожалования. Другим аспектом влияния княжеской власти на материальное положение церкви является строительство кафедральных храмов [13, с. 211], которые должны были стать центром соборной жизни епископии [24, с. 480-481]. В Уставе князя Всеволода есть любопытная запись: «а домъ святеи Софии, владыкамъ строити съ сочьскыми, а старостамъ и торговьцамъ докладываа владыкы или кто боудеть нашего рода князе и Новагорода строить домъ святого Ивана» [32, с. 155]. При этом остается открытым вопрос: после строительства храм передавался в собственность епископии или князь на правах ктитора лишь нанимал священство, в том числе епископа для службы в храме? В качестве косвенного подтверждения можно рассматривать известие Устава новгородской ц. св. Ивана на Опоках, которой князь Всеволод «оустроилъ есмь иконами многоценными, и еуангелии многоценными, и всеми книгами исполон, и оустроилъ есми попы и диакона, и диака къ съборнои великои церкве» [31, с. 160], т.е. князь не только назначает церкви священников, но устанавливает размер их содержания – «имати попамъ по осми гривен сребра, диакону д гривны сребра, диакоу г гривны сребра» – и порядок службы – «а попом пети оу святого великого Ивана вседенна, а оу святого Захарии на Полатех пети по неделямъ и в векы. А дьяконоу пети оу святого Ивана соубота да неделя из того оброка и в векы» [Там же, с. 161]. Епископ имел право служить в данном храме лишь один раз в год – обедню на Рождество Христово, за что «взяти владыце дароу роубль» [Там же, с. 162]. Возможно, в период становления древнерусского государства, когда род Рюриковичей еще не разросся, ктиторство князей выступало решающим фактором в определении принадлежности собственности, но в условиях феодальной раздробленности, а затем и монгольского нашествия, когда княжеская власть утратила свою стабильность, а церковная организация укрепила свои позиции, кафедральные храмы постепенно переходят в собственность епископий.

Источники сохранили сведения о денежных вкладах князей, дарениях драгоценными металлами, изделиями из них, предметами культа [5, с. 5, 62, 63; 26, с. 59; 36, с. 215], книгами и др. Так, князем Всеволодом передано «в олтарь святеи Софии и причтоу церковному в вседеньникъ сенаник веньце» [31, с. 160]. Ростислав Мстиславич пожаловал «на посвет святеи Богородици из двора своего осмъ капии воску» [35, с. 144]. «Блаженный князь Андрей Боголюбский далъ церкви той пречистыа Богородици, и все злато, и сребро и священныа сосуды, и ключи полатныа, идеже кузнь церковная сокровена вся» [13, с. 254; 24, с. 338].

Нельзя забывать и другой факт: источники, особенно начального периода христианизации, неоднократно сообщают о присутствии архиереев на княжеских пирах [20, с. 48], что можно рассматривать как один из видов материального содержания духовенства [38, с. 77]. Следовательно, можно говорить о том, что в это время доходы архиереев были нерегулярными и незначительными [8, с. 19], т.е. изначально Византия не финансировала свои религиозные миссии [3, с. 116], а содержание иерархии ложилось на княжескую власть. Однако позднее, с ростом благосостояния, церковь начинает самостоятельно приобретать земли в собственность, и в некоторых случаях по состоятельности превосходит княжеские роды. А архиерейские дворы превращаются в разветвленную хозяйственную систему, со своим управлением, мастерскими, торговлей [12]. В частности, источником доходов было изготовление предметов церковного обихода как для личного использования, так и для служебных нужд – нательные кресты, кресты-складни [28, с. 137, 139], иконы [4, № 504, 506, 508, 522, 523, 541, 542, 544, 545, 551, 553, 554, 555, 557, 559, 560, 561, 595, 602] и др.

Вопрос о юрисдикции приходского духовенства и монашествующих также имеет под собой и финансовую подоплѐку, так как поставление на церковные должности было одним из источников доходов для епископа, а клир церквей, находящихся под его покровительством, согласно сохранившейся до наших дней традиции, должен был отчислять в пользу архиерея определенную часть доходов. Вероятно, эти суммы были значительными для своего времени.

Так как же складывались взаимоотношения архиереев с мирским духовенством в домонгольский период? Прояснить данный вопрос в полной мере не позволяет источниковая база, но, вероятно, на начальном этапе становления христианства, в силу ограниченности числа паствы и как следствие скудности доходов мирских священников, архиереи не могли претендовать на денежные поступления от церквей, тем более что они, будучи общинными или частными, не подпадали под прямую юрисдикцию епископа. Но с развитием церковной организации влияние епископской власти на церкви увеличивается, в связи с чем растет финансовая зависимость церквей. В XII веке источники фиксируют такие виды финансовых поступлений, как десятина, полюдье (объезд своего округа), ставленнические пошлины. В Византии подобные пошлины вошли в практику со времени императора Юстиниана. С укреплением церковной иерархии на Руси они также получили свое распространение. Епископы могли получать доход от поставления мирских священников и монастырских настоятелей. Злоупотребления архиереев наглядно фиксируются в середине XII в. на примере святителей Владимиро-Суздальской кафедры, когда архиереи Леон [13, с. 221; 15, с. 240] и Феодор [13, с. 239-240; 15, с. 96] были изгнаны из своих епископий именно по причине финансовых стяжаний. Поэтому в ходе Владимирского собора 1274 г. был поднят вопрос, что «неции от братиа нашеа дьрзноуша продати священый санъ» и «взимати от нихъ некыя –ѳурокы”» [25, стб. 86]. Поэтому нередки случаи, когда князья

и горожане отказывались принять архиерея на кафедру, ссылаясь не только на его несоответствие высокому сану, но и особую притязательность в материальном отношении [24, с. 339].

Так из каких средств мирское духовенство могло отчислять доходы в пользу епископов? Исходя из анализа текста Вопрошания, доходы священнослужителей формировались из двух основных источников – оплаты за несение службы в храме, исполнения треб и приношений прихожан, а также средств, получаемых от личного хозяйства или собственного дела. Первый источник для мирского духовенства Древней Руси, вероятно, на начальном этапе приносил достаточно скудный доход и не покрывал расходов на организацию служб и нужд священников по проведению литургий. Об этом свидетельствует «вопрошание» Кирика о возможности сельским священникам нести службу на одной просфоре [2, с. 424], но, вероятно, ситуация была неоднозначной, и положение священника напрямую зависело от степени состоятельности его паствы. Археологические данные свидетельствуют, что, в частности, в Новгороде священство по своему достатку соответствовало среднему слою населения [18, с. 92-99], а в отдельных случаях, на примере Олисея Гречина, было достаточно состоятельным [11, с. 114-155]. Однако священники пытались использовать любые возможности для улучшения своего материального положения – участвовали в «бесовских игрищах», смягчая христианскими обрядами «скверну» язычества, открыто занимались ростовщичеством, так что епископу Нифонту пришлось ограничивать размер «роста» 12-16% [2; 22, с. 16]. Недостаточный поток средств духовенство, вероятно, пыталось компенсировать повышением цен на совершение треб [2, с. 413], что приводило к оттоку прихожан к фряжским попам и волхвам [Там же, с. 428, 429]. Данное явление А. Е. Мусин охарактеризовал как «литургический плюрализм» [17, с. 224].

Но вряд ли это следствие неуемного аппетита мирского духовенства, скорее показатель большой материальной стесненности. Согласно «Вопрошанию», священнослужители вынуждены были молитвой «очищать» даже оскверненный глиняный сосуд, дабы избежать материальных трат на приобретение нового [2, с. 413], Нифонт оговаривает необходимое минимальное число свеч на заупокойных службах [Там же, с. 417], дозволяет служить на одной, даже упавшей на землю просфоре [Там же, с. 424, 425], разъясняет вопрос об экономном использовании доры и просфор [Там же, с. 424], разрешает служить попу в церкви после участия в похоронах [Там же, с. 425], а Савва испрашивает о возможности служить священнику в старых портах, в которые вшит женский плат [Там же]. Конечно, даже бедный священник, в отличие от многих членов общины, которых можно рассматривать в качестве потенциальных «прихожан», мог жить лучше, но положение его, основанное на постоянном ожидании или выпрашивании приношений или милостей со стороны, было унизительным [27, с. 17]. Подобное положение священства могло быть связано не только с уровнем состоятельности паствы, но и размером окармливаемого округа. Так, в Уставе князя Ярослава прописывается жесткое требование, запрещающее священнику служить на чужой территории [30, с. 89]. Также в изучаемый период известны факты злоупотреблений архиереев в отношении мирского духовенства, именно они стали одной из причин изгнания епископа Феодора из Суздаля [9; 13, с. 239-240; 16, с. 96; 24, с. 378-379]. Поэтому, как указывалось выше, церковные общины предпринимают попытки ограничения произвола архиереев. Так, в уставе новгородской церкви Ивана на Опоках оговаривается, что владыка приглашается для службы лишь раз в год [31, с. 162].

Необходимо отметить, что с течением времени строительством церквей начинают заниматься и сами епископы. Храмы строят состоятельное греческое священство, прибывшее на Русь [13, с. 69; 15, с. 25], и архиереи из местного духовенства [13, с. 116; 14, с. 348-349, 446; 15, с. 18, 30]. В этих храмах и других церквях по приглашению мирян епископы служили не только положенные литургии, но исполняли отдельные требы. Источники фиксируют исполнение архиереями обрядов венчания [24, с. 451], отпевания [Там же, с. 480-481], но лишь в отношении представителей княжеской династии. Отказ в 1136 г. новгородского владыки Нифонта венчать князя Святослава Ольговича [19, с. 209] считался высшей степенью немилости духовной власти.

Другим источником доходов архиереев является освящение храмов, в том числе построенных князьями. Так, в 1148 г. архиепископ Нифонт прибывает с дипломатической миссией к Юрию Долгорукому и при этом освящает ц. Пресвятой Богородицы [15, с. 410; 19, с. 214]. Юрьевским епископом Адрианом в Белгороде в 1197 г. по просьбе киевского князя Рюрика Ростиславовича был освящен храм св. Апостолов, после чего «на духовном пире архиерей получил богатые дары» [24, с. 483-484]. Собранные епископом доходы шли не только на содержание архиерейского двора и отчисления киевской митрополии, но передавались в том или ином виде церквям и монастырям в качестве вкладов [14, с. 348-349]. Вероятно, первоначально пожалования рассматривались как акт благосклонности архиерея, но впоследствии это позволяло епископу оказывать влияние на клир и мирян этих общин. Не случайно в грамоте Антония Римлянина звучит требование жестко пресекать вмешательство в дела обители епископов или князей [6, с. 160].

Останавливаясь на особенностях взаимоотношений монастырских обителей и архиерейской власти, необходимо отметить, что на начальном этапе христианизации, так же как в отношении мирского духовенства, финансовой зависимости монашествующих от епископских кафедр не фиксируется. Но XII век можно назвать поворотным в укреплении позиций архиереев, в том числе финансовых, наблюдается активное вмешательство епископов в жизнь монастырей. С одной стороны, идет борьба за подчинение обителей кафедрам, с другой – архиереи сами начинают основывать обители [14, с. 348-349; 15, с. 18, 30], и здесь не последнюю роль играет финансовый интерес.

Переоценить роль средневековых монастырей в политической, экономической и церковной жизни европейских государств, и Руси в том числе, невозможно. Еще в договоре князя Игоря с Византией упоминается монастырь св. Мамы, который выступал одновременно местом проживания русских купцов, местом сбора с них

налога на торговлю в Византии, складом товаров, духовным центром [24, с. 28]. Прямые аналогии прослеживаются и на примере Новгорода, в частности Юрьева монастыря, который выступал крупнейшим торговым и духовным центром северо-западной Руси, по своему политическому и экономическому влиянию не уступающим владычной кафедре [19, с. 23, 208]. Причина, вероятно, кроется в том, что на протяжении XII-XIII вв. на территории Новгородской земли основывается значительное количество монастырей, связанных с состоятельными боярскими родами [14, с. 348-349], что давало обителям достаточно широкую автономию. Основание монастырей для боярства, возможно, было не только делом благочестия, как это обычно представляет историография дооктябрьского периода [1, с. 30], но и реализацией финансовых интересов состоятельных граждан. С одной стороны, передача земель монастырям выводила их из системы налогообложения, с другой – крепкие стены могли быть надежным укрытием в неспокойное время княжеских и боярских усобиц, и, наконец, территория обители могла использоваться в качестве перевалочного пункта торговли, склада товаров, хранилища ценностей. Логично предположить, что основанные архиереями и князьями монастыри могли выполнять те же функции.

Исходя из имеющихся в исторических источниках сведений, можно сделать вывод, что доходы монастырей складывались из пожалований в виде земельной собственности [7; 10, с. 124; 21, с. 206], построек [10, с. 114], денежных вкладов [Там же, с. 119], домашних животных [7], вкладов на богослужение [7; 10, с. 135], дарений [10, с. 144], труда зависимых от монастыря людей [Там же, с. 147-148]. При этом следует признать, что уровень состоятельности обители напрямую зависел от ктитора и пожалований. Даже в состоятельном Печерском монастыре случались затруднения с содержанием братии. Так, в житии Феодосия описан сюжет, когда монастырский эконом сообщает, что «не на что купить ни еды для братии и ничего другого, потребного им» [7]. В другом известии старший над пекарями извещает, «что не осталось муки, чтобы испечь для братии хлебы» [Там же]. При этом монахи не только покупали продукты на рынке, но и брали их в кредит [37, с. 82].

Необходимо отметить, что содержание братии осуществлялось не только из средств монастыря, имели место личные сбережения и собственность иноков. Источники фиксируют различный уровень состоятельности братии. Например, затворник Афанасий два дня после смерти лежал в небрежении только потому, что был беден [10, с. 130]. Другой инок Еразм после раздачи собственного богатства обеднел и стал всеми пренебрегаем [Там же, с. 135]. В то время как черноризец Арефа много богатства имел в своей келье [Там же, с. 137], а блаженный Григорий имел в собственности не только книги, но и маленький огород, где выращивал посеянные в келье овощи и плодовые деревья [Там же, с. 147], при этом монаху Феодору, чтобы вывезти личную собственность из монастыря, необходимы были «возы и ящики» [Там же, с. 166]. Все это не совсем соответствует монашескому идеалу, поэтому Патерик в качестве достоинств инока Прохора называет то, что «жил он как птица: не стяжал ни сел, ни амбаров, где бы мог собирать добро свое» [Там же, с. 157]. Вероятно, находясь в монастыре, монахи сохраняли права собственности на те или иные материальные ресурсы, при этом на них не могли посягать ни монастыри, ни епископы.

Одним из видов доходов архиереев с обителей являлись пошлины за монашеский постриг, по тем временам они были достаточно высоки. Устав князя Ярослава гласит: «…аще чернец или черница стрижются, митрополитоу 40 гривен» [30, с. 90]. Не каждому данная сумма была доступна. В Патерике сохранилось известие о монахе, который «много раз хотел постричься, но из-за его нищеты пренебрегала им братия» [10, с. 180]. Все же, в отличие от церквей, монастыри (в том случае если они не были архиерейскими) находились в меньшей зависимости от епископской власти. Избрание настоятеля могло осуществляться братией или прямым волеизъявлением ктитора, и эту независимость обеспечивали обители, в том числе и материальные ресурсы.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить динамику изменений материального положения епископской власти за домонгольский период. Если в первое время после Крещения содержание клира полностью осуществлялось княжеской властью, то с течением времени князья делегируют архиереям путем единовременных узаконений и пожалований не только собственность, но и стабильные доходы от суда, поставления на церковные должности и др. К середине XIII века епископские кафедры обладают значительными материальными доходами для содержания архиерея, его двора, осуществления отчислений в пользу византийского патриарха и киевского митрополита, расширяются их земельные и промысловые угодья за счет пожалований мирян и собственных приобретений, существенный доход приносят полюдье и десятина с окармливаемого округа, в том числе поступления от мирских священников и монастырей. Но, несмотря на видимую финансовую стабильность, к концу изучаемого периода материальное благополучие епископов напрямую зависело от взаимоотношений с княжеской властью либо боярской элитой русских земель.

Список литературы

1. **Аристов Н. Я.** Первые времена христианства в России по церковно-историческому содержанию русских летописей. СПб., 1888. 188 с.
2. **Вопрошание Кириково** // Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М.: Круг, 2011. Вып. VII. С. 413-429.
3. **Гайденко П. И.** Становление высшего церковного управления в Киевской Руси: дисс. … д.и.н. Екатеринбург, 2011. 459 с.
4. **Грамоты на бересте** [Электронный ресурс]. URL: http://gramoty.ru/ (дата обращения: 25.07.2013).
5. **Даркевич В. П.** Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X-XIV вв.). М., 1966. 147 с.
6. **Духовная Антония Римлянина** // Гайденко П. И., Фомина Т. Ю. История Русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси: обзор письменных источников. М., 2009.
7. **Житие Феодосия Печерского** [Электронный ресурс] / пер. О. В. Творогова. URL: http://www.drevne.ru/lib/feodos_s.htm (дата обращения: 25.07.2013).

8. **Иванов С. А.** Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. М., 2001. Вып. 10. С. 16-39.
9. **Карташев А. В.** Очерки по истории русской церкви. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://lib100.com/book/christianity/russian_church_1/_%ca%e0%f0%f2%e0%f8%e5%e2%20%c0.%c2.,%20%ce%f7%e5%f0%ea%e8%20%ef%ee%20%e8%f1%f2%ee%f0%e8%e8%20%f0%f3%f1%f1%ea%ee%e9%20%f6%e5%f0%ea%e2%e8.%20%d2%ee%ec%201.pdf (дата обращения: 25.07.2013).
10. **Киево-Печерский патерик** // Древнерусские патерики / изд. подг. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М.: Наука, 1999. С. 109-185.
11. **Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.** Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. 168 с.
12. **Купорова Г. Ш., Фомина Т. Ю.** Епископская улица новгородского кремля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9. Ч. 2. С. 91-95.
13. **Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью.** М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
14. **Мануил (Лемешевский), митр.** Русские православные иерархи: 992-1892. М., 2003. Т. 1. 543 с.
15. **Мануил (Лемешевский), митр.** Русские православные иерархи: 992-1892. М., 2003. Т. 2. 607 с.
16. **Мануил (Лемешевский), митр.** Русские православные иерархи: 992-1892. М., 2003. Т. 3. 487 с.
17. **Мусин А. Е.** О некоторых особенностях древнерусского богослужения XI-XIII вв. (Церковь Преображения Господня на Нередицком холме в литургическом контексте эпохи) // Новгородский исторический сборник. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 215-239.
18. **Мусин А. Е.** Церковь и горожане средневекового Пскова: историко-археологическое исследование. СПб., 2010. 364 с.
19. **Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.** Рязань, 2001. 639 с.
20. **Память и похвала князю русскому Владимиру** // Богословские труды. М., 1989. Т. 29. С. 45-58.
21. **Панеях В. М.** Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. 1955. № 5. С. 205-207.
22. **Пихоя Р. Г.** Документы покаянного права о положении трудящихся в Древней Руси (XI – первая половина XIII в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974. Сб. 2. С. 5-18.
23. **Повесть временных лет** // Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897. С. 1-274.
24. **Полное собрание русских летописей.** СПб., 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. 938 с.
25. **Правило Кюрила, митрополита роуськаго, съшьдъшихся епископъ: Далмата нооугородьского, Игнатья ростовьского, Феогноста переяславьского, Симеона полотьскаго, на поставление епископа Серапиона Володимирскаго** // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 83-102.
26. **Пуцко В. Г.** Богослужебная утварь в древнерусском храме // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4 (14). С. 59-61.
27. **Ростиславов Д.** Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. Рязань, 2010. 496 с.
28. **Славяне и скандинавы** / пер. с нем.; общ. ред. Е. А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. 416 с.
29. **Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных** // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / изд. подгот. Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976. С. 12-84.
30. **Устав князя Ярослава о церковных судах** // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / изд. подгот. Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976. С. 85-139.
31. **Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках** // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / изд. подгот. Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976. С. 158-165.
32. **Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых** // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / изд. подгот. Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976. С. 152-158.
33. **Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии в Новгороде с датой 1136/1137 г. о поступлениях епископии из «Онега» и с заволочских владений Новгорода** // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / изд. подгот. Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976. С. 147-148.
34. **Уставная запись о размерах поступлений с городов Смоленской земли** // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / изд. подгот. Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976.
35. **Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске** // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / изд. подгот. Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976. С. 140-146.
36. **Федорова Е. В.** Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982. 256 с.
37. **Харин Е. С.** Древнерусское монашество в IX-XIII вв.: быт и нравы: дисс. … к.и.н. Ижевск, 2007. 191 с.
38. **Щапов Я. Н.** Государство и церковь Древней Руси XI-XIII вв. М., 1989. 233 с.

EPISCOPAL AUTHORITY OF PRE-MONGOL RUSSIA: ECONOMIC ASPECT

Kuporova Guzel' Shamilevna
Kazan' State University of Architecture and Civil Engineering
guzelka_83@inbox.ru

Fomina Tat'yana Yur'evna, Ph. D. in History
Naberezhnye Chelny Institute of Social-Pedagogical Technologies and Resources
stal73@yandex.ru

The article traces the changes in the financial position of episcopal authority during the pre-Mongol period. While after the baptism of Russia the support of priesthood was carried out by the prince‘s authority, by the first third of the XIIIth century episcopal chairs got stable income from the prince and ecclesiastical court, polyud'e (the process of gathering tribute) and the tithe from their districts, placing to church positions, land and commercial holdings, and the laity‘s grants.

Key words and phrases: episcopal authority; financial position; the pre-Mongol period; income sources.